



© Е. А. Кольцова, Ф. И. Карташкова

DOI: [10.15293/2226-3365.1804.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1804.04)

УДК 81`23+81`27+811.111

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ В ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Е. А. Кольцова, Ф. И. Карташкова (Иваново, Россия)

Проблема и цель. В статье рассматриваются когнитивные функции и лингвистическая природа феномена внутренней речи, которая является ключом к пониманию проблемы мышления и речи, к человеческому сознанию. Предпринимается попытка междисциплинарного подхода к рассматриваемому явлению, сочетающего лингвистический и психологический аспекты. Цель статьи заключается в выявлении специфики функционирования внутренней речи на основе сопоставления полученных лингвистических результатов с данными психологических и нейрофизиологических исследований.

Методология. Внутренняя речь, являясь по своей природе психологическим феноменом, исследуется авторами на материале художественных текстов, становясь объектом своеобразного моделирования. Материалом для предпринятого исследования послужили речевые эпизоды англоязычного художественного дискурса, эксплицирующие внутреннюю речь, отражающую процессы когнитивной деятельности. В фокусе исследования находились антропонимические номинации, которые изучались посредством контекстуального, дефиниционного и коммуникативно-прагматического анализа. Для реализации междисциплинарного подхода к описанию феномена внутренней речи был проведен сопоставительный анализ полученных результатов с данными эмпирических исследований психологов и нейрофизиологов.

Результаты. Исследование указанного лингвистического материала на коммуникативно-прагматическом уровне позволило выявить специфику функционирования внутренней речи в антропонимическом аспекте. Среди основных функций внутренней речи на базе проанализированного фактического материала выделяются регулирующая, рефлексивная (включая саморефлексию/самооценку) и мотивирующая функции. Учет гендерной составляющей дал возможность установить существующие гендерные сходства и различия. Выявлена взаимозависимость возникновения внутренней речи и определенного эмоционального состояния.

Заключение. Проведенный анализ текстовых фрагментов интериоризованной речи позволил выявить функциональную специфику внутренней речи в рамках художественного дискурса. Сопоставление результатов проведенного исследования с данными психологических и

Кольцова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры интенсивного изучения английского языка, Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина.

E-mail: elena.a.koltsova@gmail.com

Карташкова Фаина Иосифовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет.

E-mail: kartashkova@rambler.ru

нейрофизиологических экспериментов наглядно показало, что результаты коррелируют между собой. Междисциплинарный подход к рассматриваемому феномену расширяет понимание внутренней речи и проливает свет на лежащие в его основе когнитивные процессы.

Ключевые слова: внутренняя речь; автокоммуникация; оценочные номинации; самооценка; мотивирующая функция; рефлексивная функция; регулирующая функция; гендер.

Постановка проблемы

Феномен внутренней речи оказался в фокусе внимания ученых разных областей знания еще в конце XIX столетия. Однако внутренняя речь в силу своей особенной природы по-прежнему представляет собой едва ли не самую трудную область исследования психологии, нейрофизиологии, лингвистики и других наук. Вместе с тем внутренняя речь, скрытая от непосредственного наблюдения, является ключом к решению проблемы взаимосвязи мышления и речи, который, в свою очередь, подводит нас к пониманию природы человеческого сознания. Несмотря на существующий в научном мире скептицизм в отношении исследования внутренней речи, вызванный спецификой данного феномена, в последние десятилетия отмечается повышенный интерес ученых к этому явлению, его природе и особенностям функционирования.

В статье предпринимается попытка комплексного подхода к рассматриваемому феномену. Острую необходимость комплексного подхода к исследованию внутренней речи подчеркивал еще в 1930-х выдающийся отечественный психолог Л. С. Выготский, отмечая, что сложность проблемы и многообразие определяющих ее факторов выводят ее изучение за пределы одной научной области: «Только совместная работа разных наук: логики, общей, сравнительной и детской психологии, этнографии, литературоведения, лингвистики, педагогики, физиологии, антропологии и др., сможет внести ясность в одну из

труднейших и запутаннейших проблем современной науки о человеке»¹.

Обзор исследований внутренней речи

Явление внутренней речи как непосредственного механизма мышления и сознания получило широкое освещение в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей, а утверждение о неразрывной связи сознания и языка стало своего рода штампом.

Само понимание внутренней речи различается у разных исследователей и в разных научных дисциплинах. В настоящее время можно встретить целый ряд терминов как в русском, так и в английском языках для обозначения рассматриваемого феномена: *внутренняя речь, речь для себя, немая/беззвучная речь, интериоризованная речь, эгоцентрическая речь, автокоммуникация, inner speech, inner speaking, private speech, self-talk, covert speech, covert self-talk, silent speech, verbal thinking, verbal mediation, subvocal speech, mental verbalization, inner/internal monologue, inner/internal dialogue, inner voice, articulatory imagery, voice imagery, speech imagery, auditory verbal imagery, self-directed speech*. Толкование, которого мы будем придерживаться в рамках данной статьи, в соответствии с поставленной целью и заявленным ракурсом основывается на концепции Л. С. Выготского. Под внутренней речью/автокоммуникацией в работе понимается произносимая речь, речь про себя, обращенная субъектом к самому себе или к предполагаемому собеседнику и

¹ Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. С. 4.

возникающая при обдумывании какой-либо ситуации, размышлении по поводу чего-либо, решении какой-либо задачи. Внутренняя речь протекает преимущественно в ментальном мире человека и характеризуется лексическим, синтаксическим и функциональным своеобразием.

В настоящее время в психологической науке выделяются два основных подхода к феномену внутренней речи, основывающиеся на функциональной специфике данного явления.

Первый подход основывается на концепции внутренней речи, предложенной крупнейшим отечественным психологом Л. С. Выготским (1896–1934). Изучая природу внутренней речи, ученый впервые выдвинул гипотезу о генезисе внутренней речи из эгоцентрической речи, речи внешней, речи для себя, изучая речь ребенка в возрасте 2–8 лет, адресованную самому себе в ходе игры, при выполнении какого-либо задания, когда дети комментировали свои действия. По мысли Л. С. Выготского, внутренняя речь ответвляется от внешней речи ребенка вместе с дифференцированием социальной и эгоцентрической функций речи, а речевые структуры, усваиваемые ребенком, становятся основными структурами его мышления. Согласно исследованиям Л. С. Выготского, внутренняя речь образуется из внешней речи, главным образом, путем изменения ее функции: из средства сообщения мыслей другим людям речь становится средством мышления, речью для себя. Это фундаментальное различие в функциях того и другого видов речи влечет за собой значительные структурные изменения: внутренняя речь становится сокращенной, прерывистой, эллиптической и предикативной, т. к. ситуация «внутреннего» разговора

всегда известна самому мыслящему человеку. Внутренняя речь происходит в основном про себя, но может совершаться и вслух, например, при затруднениях в мышлении, когда мы остаемся наедине или забываем об окружающих. Этот естественный выход внутренней речи наружу Л. С. Выготский сделал приемом исследования, показав внешнее происхождение внутренней речи и ее связи с мышлением². Идеи Л. С. Выготского получили дальнейшее развитие в трудах А. Р. Лурии и других исследователей, а современные эмпирические изыскания зарубежных психологов Б. Алдерсон-Дэй и Ч. Фернихо во многом подтверждают выдвинутые им гипотезы [1].

Второй подход к пониманию функциональной специфики внутренней речи основывается на определении той роли, которую внутренняя речь играет в оперативной/рабочей памяти. Оперативная память требуется для своего рода «удерживания» информации во время выполнения сложного задания, например, когда мы пытаемся удержать в памяти ряд инструкций, последовательность действий или просто повторяем про себя список необходимых покупок в магазине. Существуют различные модели оперативной памяти, однако для рассмотрения внутренней речи наиболее релевантным и в то же время наиболее популярным подходом можно считать мультикомпонентную модель А. Бэддели и Г. Хитча [2]. Они предположили, что рабочая память, являясь частью долговременной памяти, включает три компонента: центральный управляющий элемент (*central executive*), координирующий когнитивные процессы и связывающий поступающую из разных источников информацию и управляющий вниманием; фонологическая/артикуляционная петля

² Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999.

(*phonological/articulatory loop*), отвечающая за обработку звуковой или фонологической информации; зрительно-пространственный набросок (*visuospatial scratchpad*), связанный со зрительными и пространственными аспектами кратковременной памяти. Позже А. Бэддели добавил четвертый компонент – эпизодический буфер (*episodic buffer*), представляющий своего рода временное хранилище данных, которое связывает поступающую из вспомогательных систем рабочей памяти и из долговременной памяти информацию в целостное эпизодическое образование [3]. Фонологическая петля в данной модели содержит два элемента: пассивное фонологическое хранилище (*phonological store*), накапливающее звуковую информацию, с быстрыми процессами затухания информации в течение 1–2 секунд, и компонент активного артикуляционного повторения (*active rehearsal mechanism*), который возобновляет информацию, не давая ей угаснуть. Этот механизм активного артикуляционного повторения и представляет собой, по мнению многих исследователей, согласно проведенному Б. Алдерсон-Дэй и Ч. Фернихо обзору, внутреннюю речь [1].

Сопоставляя эти два подхода, можно заключить, что модель рабочей/оперативной памяти ограничивается только непосредственными, своего рода «поверхностными» функциями внутренней речи (повторение информации с целью ее более длительного удержания в памяти), в то время как подход Л. С. Выготского описывает использование внутренней речи как средства изменения и развития когнитивных функций, что является принципиально важным в рамках проводимого исследования.

На современном этапе развития науки проблема внутренней речи является стержневой не только для психологии, но и для целого ряда смежных научных дисциплин, а понимание и исследование функциональных особенностей внутренней, эгоцентрической коммуникации имеет исключительно важную теоретическую и практическую ценность в психотерапии и медицине. Исследователи пытаются установить специфику функционирования и особенности появления внутренней речи, а также ее роль при лечении психопатии [4–8], афазии [9], аутизма [10], шизофрении [11; 12], различных психических нарушений [13] и пр. Автокоммуникация сопровождает любую человеческую деятельность в виде внутренней речи, но может протекать и в опредмеченной форме (монолог, дневник, не предназначенные другим записи и пр.). Являясь интериоризированной формой социальных отношений, автокоммуникация имеет важное значение в формировании внутреннего мира личности³.

Внутренняя речь, как свидетельствуют опросы психологов, является неотъемлемой частью повседневной жизни большинства людей. Ученых на современном этапе в подавляющем большинстве случаев интересуют функции внутренней речи и процессы, предшествующие экстериоризованному высказыванию. По мнению ряда отечественных исследователей, внутриречевое звено является психофизиологическим процессом, состоящим в активизации речевых механизмов при отсутствии выраженных речевых проявлений (внешней речи). В отечественной науке предпринимались и предпринимаются попытки зарегистрировать участие речедвигательных органов в процессе мышления. Так, А. Н. Соколов впервые использовал метод регистрации скрытых

³ Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. –

Вып. 6. Тарту: Тартуский государственный университет, 1973. – С. 227–243.



движений губ и языка (микроартикуляции) для объективизации появления внутренней речи на этапе «внутреннего проговаривания» [14]. Группа ученых Красноярского государственного медицинского университета в рамках исследования внутренней речи методом регистрации микроартикуляции языка установила и экспериментально доказала, что у пациентов с посттравматическими нарушениями речи осуществление вербальной функции начинается с появления внутренней речи и характеризуется возникновением микроартикуляции языка [15; 16].

Способы исследования внутренней речи различаются в зависимости от научной области. В психологии применяются как методы, направленные на стимулирование появления внутренней речи, так и намеренно подавляющие ее, позволяющие в более полной степени изучить влияние внутренней речи и ее функции. Предпринимаются попытки изучить спонтанную внутреннюю речь, возникающую в повседневных ситуациях, и ее функциональную специфику с использованием сканеров и своеобразных таймеров [17]. Среди наиболее распространенных психологических методик можно назвать разнообразные опросы информантов, наблюдения при выполнении комплексных заданий, требующих логических рассуждений, а также фонологических заданий через чтение рифмованных стихов и иных видов текстов про себя, методику двойной стимуляции (совмещенного решения двух задач), методы визуализации и т. д. [1].

С лингвистической и литературоведческой точки зрения в последние годы внутренняя речь не раз становилась объектом изучения на материале разных языков. Основы

лингвистического подхода к изучению внутренней речи были заложены в трудах выдающегося русского академика В. В. Виноградова, который использовал широкую филологическую трактовку в изучении данного явления⁴. Анализируя эпизоды внутренней речи, изображенные Л. Н. Толстым в романе «Война и мир», В. В. Виноградов выделил целый ряд характерных для данного типа речи особенностей, созвучных тем, которые обозначал Л. С. Выготский. Это и отрывочный, фрагментарный синтаксический строй внутренней речи, представляющийся (с точки зрения норм внешней речи) бессвязным и эллиптическим, конденсированным и выражающим целый поток сознания, и семантическая слитность, открывающая возможность лаконического и ясного осознания самых сложных мыслей почти без слов, и смысловая индивидуализация слов, способная нейтрализовать привычные лексические значения последних, и редуцирование фонетической стороны речи, и отсутствие языковых норм дискурсивного мышления⁵.

Внутренняя речь, являясь психологическим феноменом по своей природе, изучается в лингвистике на материале художественных текстов, становясь объектом своеобразного моделирования. Высказывания во внутренней речи приобретают вербализованный, но условный характер, т. к. определяются личным опытом автора, основанном на его/ее самонаблюдении. В зависимости от внешней ситуации и разнообразных функциональных прагматических установок во внутренней речи актуализируются скрытые когнитивные и речевые процессы, которые могут реализо-

⁴ Виноградов В. В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971.

⁵ Виноградов В. В. О языке Толстого (50–60-е годы) // Л. Н. Толстой. – АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин.

Дом), 1939. Кн. I. – С. 117–220. URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/135/t35-117-.htm> (дата обращения: 07.03.2018).



вываться в различных структурно-семантических формах: от кратких реплик до развернутых монологов и диалогов, перетекающих в поток сознания.

Лингвистические исследования последних лет свидетельствуют о многоплановом и разноаспектном изучении функциональной специфики интериоризованной речи на материале разных языков⁶. Внутренняя речь рассматривается как особая форма языкового общения в различных типах художественных произведений⁷, изучаются механизмы функционирования интериоризованного дискурса [18], психологические [19] и художественные [20] функции внутренней речи.

Проведенный краткий обзор современных психологических и лингвистических работ, посвященных изучению проблемы внутренней речи и ее функционирования, позволяет заключить, что, несмотря на многочисленные исследования в рамках данной тематики, отсутствуют работы, в полной мере интегрирующие лингвистический и психологический подходы. В этой связи цель нашей статьи видится в выявлении специфики функционирования внутренней речи на основе сопоставления полученных лингвистических результатов с данными психологических и нейрофизиологических исследований.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили речевые эпизоды англоязычного художественного дискурса, эксплицирующие внутреннюю речь персонажей, отражающую процессы когнитивной деятельности. Речевые

фрагменты, включающие описание интраперсональной коммуникации, общим объемом более 600, отбирались методом сплошной выборки. Предметом анализа послужили антропонимические номинативные экспрессивы, которые изучались посредством контекстуального, дефиниционного, компонентного и коммуникативно-прагматического анализа. Для реализации междисциплинарного подхода к описанию феномена внутренней речи был проведен сопоставительный анализ полученных результатов с данными эмпирических исследований психологов и нейрофизиологов.

Результаты исследования

Основная задача предпринятого исследования заключалась в установлении особенностей функционирования внутренней речи на материале художественного текста и выявлении эмоционального фона возникновения интериоризованной коммуникации, содержащей оценочные высказывания антропонимической направленности. Гендерная составляющая, как показал анализ, играет немаловажное значение и позволяет выявить существующие гендерные сходства и различия.

Среди основных функций внутренней речи, содержащей эмоциональные оценочные экспрессивы, на базе проанализированного фактического материала можно выделить регулирующую (разрядка, релаксация, снятие стресса или эмоционального напряжения, психологическая самозащита, самоутверждение, самооценка), рефлексивную (наблюдение, саморефлексия), а также мотивирующую функции (самоощереение, побуждение, самооценка), часто переплетающиеся между собой

⁶ Кольцова Е. А. Оценочные номинации в актах автокоммуникации как отражение диалогизма сознания // Коммуникативное поведение человека. Вербальные и невербальные составляющие. – Иваново: ЛИСТОС, 2017. – С. 52–60.

⁷ Сергеева Ю. М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы): дисс. ... док. филол. наук. – М., 2009.

и в большинстве случаев включающие оценочный компонент.

Рассмотрим функции внутренней речи на конкретных эпизодах речевого общения.

(1) Both Shirley and Maureen were watching Miles too, and Miles, Samantha thought, was looking back at his father like a big fat Labrador, quivering in expectation of a treat.⁸

Речевой фрагмент автокоммуникации иллюстрирует рефлексивную функцию внутренней речи, при этом объекту дается оценочная номинация в форме сравнения 'like a big fat Labrador'. Несколькословная номинативная единица, ядерным элементом которой выступает нейтральное существительное Labrador, обозначающее породу собак, в сочетании с атрибутивными прилагательными big и fat, при референции к человеку под влиянием контекста передает презрительное отношение к номинату субъекта оценки. Использование отрицательного оценочного экспрессива в подобной ситуации определяет накопившееся раздражение и невысокое мнение говорящего по отношению к называемому объекту, что отчасти позволяет говорить и о регулирующей функции внутренней речи в данном примере.

(2) *What a cow*, she thought angrily. Freya was supposed to be her friend!⁹

В данном фрагменте речевой автокоммуникации, содержащем негативно окрашенный экспрессив '*What a cow*', внутренняя речь представлена, как это довольно часто можно наблюдать в художественных текстах, графическими средствами с помощью выделения курсивом. Ядерный компонент номинации, зооним *cow* при референции к человеку при-

обретает отрицательные коннотации, эмфатическая грамматическая конструкция интенсифицирует отрицательную оценку. Отрицательная экспрессивная номинация выполняет регулирующую функцию, давая выход испытываемому говорящим субъектом эмоциональному напряжению и гневу.

Номинации во внутренней речи могут оценивать и различные личностные параметры говорящего, т. е. являться самооценочными. Такие случаи составляют 30 % фактического материала. Оцениваться могут речевые и неречевые действия, поступки и поведение, убеждения, внешний вид, разнообразные качества и умения номинатора, статусно-ролевое положение и т. д. Подобные именованья характеризуются различной временной отнесенностью (ретроспективной, проспективной или относятся к моменту речи) и имеют различный оценочный вектор (с преобладанием отрицательных номинаций).

(3) I nodded like a six-year-old who'd just been reprimanded for throwing spaghetti on the ceiling, even though she couldn't see me.¹⁰

Автокоммуникативное высказывание, демонстрирующее саморефлексию, содержит отрицательную оценочную сравнительную структуру 'like a six-year-old who'd just been reprimanded for throwing spaghetti on the ceiling'. Ядерным элементом выступает лексическая единица a six-year-old, которая применительно ко взрослому человеку с учетом всей сравнительной номинативной конструкции приобретает уничижительное значение, отражая крайнее недовольство говорящего собственными действиями и манерой поведения.

Однако самооценка во внутренней речи нередко имеет положительный вектор оценки

⁸ Rowling J. K. *The Casual Vacancy*. – Little, Brown Book Group, London. 2015.

⁹ Perry T. *Kiss Heaven Goodbye*. – Headline Publishing Group, London. 2010.

¹⁰ Weisberger L. *The Devil Wears Prada*. – Harper Collins, London. 2003.



в случаях самомотивации или психологически необходимой самозащиты в ситуациях межличностного конфликта. Примером автокоммуникации с положительной самооценкой является следующий речевой отрезок (курсив эксплицирует внутреннюю речь).

(4) ... *do I do it? No! Be above it, rise above it. Do not spit in her food or gum her ice cubes. You're a bigger person than that!*¹¹

Номинативная фраза 'a bigger person' в составе автореферентной грамматической структуры от второго лица, включающей сравнение 'You're a bigger person than that!', передает положительную самооценку говорящего. Данная структура выполняет мотивирующую функцию, пересекающуюся в рамках прагматического контекста с регулирующей функцией, позволяя говорящему настроить себя на выполнение задачи и одновременно повысить свою оценку, выделить себя на фоне других, что необходимо в ситуации стресса и относительно подавленного состояния субъекта.

Таким образом, среди основных функций внутренней речи выделяются регулирующая, мотивирующая и рефлексивная функции, имеющие разнообразные проявления. Довольно часто высказывания в рамках автокоммуникации носят оценочный характер и являются в значительной степени экспрессивными. Среди объектных признаков оценки выделяются различные личностные параметры, речевые и неречевые действия, поступки, поведение, убеждения, внешний вид, статусно-ролевое положение и т. д. Вектор оценки в большинстве случаев имеет отрицательную направленность: 63 % негативно окрашенных оценочных высказываний наблюдаются в маскулинной автокоммуникации и 70 % в фемининном типе внутренней речи.

Внутренняя речь возникает часто в состоянии эмоционального напряжения, эмоционального спада, депрессивного состояния. При этом «внутреннее говорение» часто приобретает форму диалога с самим собой. Диалогический характер интериоризованным высказываниям часто придают различного рода автообращения, которые способствуют реализации эмоционального напряжения говорящего и способны отразить внутренний настрой коммуниканта. Оценочный вектор подобных автономинаций может быть как положительным, так и отрицательным. Однако, как правило, оценка носит позитивный характер. Отрицательные автообращения часто передают сострадание говорящего к самому себе, испытывающего чувство одиночества или разочарования. Диалогический характер носят также автоадресованные высказывания, содержащие местоимение *you* для самообращения, имитирующие обращение «со стороны» (пример (4)). Коммуникативное действие в таких случаях направлено на «выговаривание», в ходе которого лицо освобождается от своего аффективного груза. Перлокутивный эффект подобных высказываний заключается в создании «психологического комфорта говорящего»¹².

Значительную часть оценочных высказываний во внутренней речи, согласно лингвистическому материалу, составляют самооценочные высказывания, отражающие саморефлексию. В подавляющем большинстве случаев самооценка имеет отрицательную направленность: 70 % негативных самооценок зафиксировано в маскулинном типе и 81 % в фемининном типе высказываний. Проведенный анализ показал большую вариативность функций самооценки в автокоммуникации,

¹¹ Weisberger L. *The Devil Wears Prada*. – Harper Collins, London. 2003.

¹² Карташкова Ф. И. Номинация в речевом общении. – М.: Азбуковник, 2011. – С. 151.



что служит доказательством той важной роли, которую играет внутренняя самооценка в личностном сознании и самоопределении, а также подтверждает факт высокой эмоциональности внутренней речи. Номинации в ситуациях автокоммуникации подвержены различные речевые и неречевые действия и личностные параметры говорящего. В плане внутренней речи проводится самоинструирование, осуществляется анализ своих действий и переживаний. Наиболее типичными проявлениями интериоризованных самооценочных высказываний являются самокритика/самоосуждение, самоутверждение, самопохвала, раскаяние, самоопределение/самопрезентация. При этом самокритика и самоосуждение, согласно фактическому материалу, в шесть раз превосходят другие подфункции по частоте употребления и в большей степени характерны для фемининного типа речи. Отдельно следует отметить автономинации, оценивающие статусно-ролевое положение говорящего. Оценочный вектор в таких случаях может иметь как положительную, так и отрицательную направленность. Понижение говорящим своего статуса в рамках автокоммуникации отмечается в случае эмоционального спада или общего занижения психологической самооценки, что особенно характерно для интровертного типа личности. Самооценочные номинации в автокоммуникации являются, таким образом, своего рода способом аутопсихотерапии, способствуя вербализации мыслей и чувств говорящего.

В рамках рассматриваемых ситуаций интериоризованной коммуникации прослеживаются определенные гендерные расхождения. Для большей чистоты полученных результатов было сбалансировано число авторов по гендерному принципу, а речевые эпизоды фемининной и маскулинной автокоммуникации

отбирались по гендерной принадлежности автора произведения. Анализ показал, что большая часть высказываний, имеющих в своем составе оценочный экспрессив (56 %), относится к фемининному типу. На долю маскулинных высказываний приходится 44 %, что свидетельствует об относительно большей склонности женщин к использованию оценочных номинаций в форме внутренней речи. При этом в интериоризованном общении в обоих типах гендерного речевого поведения наблюдается преобладание высказываний отрицательной оценки. Употребление номинаций самооценки в ситуациях автокоммуникации также отличается значительными гендерными асимметриями, часть из которых была отмечена выше. В целом, 68 % всех оценочных автономинаций в рамках внутренней речи относятся к фемининному типу, и лишь 32 % экспрессивов принадлежат маскулинному типу. Однако в аксиологическом плане наблюдается относительная сбалансированность: превалирование отрицательной оценки отмечается в обоих типах гендерного поведения.

В связи с тем, что настоящее исследование носит междисциплинарный характер, попытаемся установить, насколько полученные в ходе лингвистического анализа художественного дискурса результаты коррелируют с данными психологических исследований и экспериментов. Для этого был проведен аналитический обзор новейших психологических и нейрофизиологических зарубежных исследований.

Прежде всего, следует отметить исследование, направленные на выявление структурных и семантических особенностей внутренней речи, позволяющие в определенной степени преодолеть распространенный скептицизм в отношении изучения внутренней речи на материале художественного дискурса. Так, группа американских исследователей из Университета Невады провела эксперимент, в



ходе которого участникам предлагалось некоторое время носить с собой аналог пейджера, посылавшего звуковой сигнал с произвольной частотой. При звуке пейджера участники должны были сконцентрироваться на том, что происходило за несколько секунд до сигнала и записать свою внутреннюю речь, если она имела место в тот момент времени. Данные эксперимента, в частности, позволили установить общую частоту возникновения внутренней речи в 26 % случаев, когда звучал сигнал [21; 22]. Ученые констатировали следующие характеристики изучаемого феномена, которые им удалось выявить: внутренняя речь возникает в той или иной форме у подавляющего большинства респондентов и имеет эмоциональную окраску, свойственную внешней речи. Внутренняя речь передает эмоции: любопытство, гнев, интерес и множество иных чувств, аналогично экстернизированной речи. Внутренняя речь схожа по форме с внешней речью, экстернизированной, и в плане интонационного оформления (ритм, интонация, паузация, темп речи, идиостиль и пр.), иногда, по самонаблюдениям респондентов, является даже более экспрессивной, чем свойственное им внешнее проявление эмоций, и в синтаксическом плане. Так, респонденты указали на частое использование полных предложений в ситуации внутренней речи и использование тех же лексических средств, что и в экстернизированной речи. При этом высказывания в форме внутренней речи могут быть адресованы как самому себе, так и другим людям [23].

При определенных недостатках и издержках данного метода в плане фиксации респондентами своей интериоризованной ком-

муникативной деятельности, результаты представляют интерес для исследования природы феномена внутренней речи. Полученные данные контрастируют с принятыми представлениями ученых о внутренней речи, которую считают максимально свернутой, сокращенной, стенографической, полной эллиптических структур, смысловых трансформаций и исключительно предикативной по своему синтаксическому строению¹³, а также с данными современных нейрофизиологических исследований, определивших с помощью мельчайших электродов, что мы думаем в 10 раз быстрее, чем говорим¹⁴. В проанализированном нами лингвистическом материале содержится значительное количество полных, распространенных предложений, особенно характерных для рефлексивной функции во внутренней речи.

Исследование для изучения разновидностей внутренней речи, ее форм и функций было проведено Маккарти-Джоунс и Фернихо. В исследовании-анкетировании приняло участие 235 студентов одного из британских университетов, средний возраст которых составил 20 лет. В гендерном соотношении (что значимо в рамках проведенного нами лингвистического изучения) состав информантов распределялся следующим образом: 77 мужчин (33 %) и 158 женщин (67 %). 20 утверждений были выбраны для изучения четырех основных аспектов феномена внутренней речи: диалогическая внутренняя речь (*dialogic inner speech*), т. е. обращение к воображаемому собеседнику; сокращенная форма внутренней речи (*condensed inner speech*), т. е. сжатая, фрагментарная, «стенографическая» речь; присутствие других людей, воображаемых собеседников во внутренней речи (*other people in*

¹³ *Выготский Л. С.* Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999.

¹⁴ *Fernyhough C.* The Science of the Voices in your Head. – The Royal Institution Channel, 2016. URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=95otBlepVHc> (дата обращения: 07.03.2018).



inner speech) и представление их возможных высказываний; оценивающая либо мотивирующая внутренняя речь (evaluative/motivational inner speech) в ситуациях, когда оценивается свое поведение и иные личностные характеристики. Результаты проведенного исследования показали, что наиболее распространенной является оценивающая/мотивирующая внутренняя речь – 82,5 % респондентов, и диалогическая форма внутренней речи – 77,2 % респондентов. Сокращенная, сжатая форма внутренней речи была отмечена лишь 36,1 % участников, а проговаривание воображаемой речи других людей 25,8 %. При этом по наблюдениям исследователей, оценивающая/мотивирующая внутренняя речь и присутствие сторонних лиц во внутренней речи связаны, как правило, с состоянием беспокойства и тревоги [24]. Именно мотивирующая функция и различного рода оценки выходят на первый план в рамках предпринятого нами лингвистического анализа, а внутренний диалог с воображаемым собеседником появляется часто вследствие высокого эмоционального напряжения или депрессивного, подавленного состояния (см. выше).

Интересен тот факт, что различия, зависящие от формы внутренней речи – внутреннего монолога (single-speaker scenarios / monologic inner speech) или внутреннего диалога (conversations / dialogic inner speech), отмечаются на нейронном уровне, активизируя в разной степени разные участки головного мозга [25]. Между двумя формами внутренней речи существуют функциональные различия: форму определяют разные задачи, разные ситуации. Так, диалогическая внутренняя речь протекает при стратегическом обдумывании наших действий и поведения, в то время как

монологическая встречается в основном для удержания информации в оперативной памяти, например, повторение списка покупок в магазине и т. д.¹⁵

Зарубежные исследователи проводили также эксперименты, нацеленные на выявление взаимозависимости появления внутренней речи и определенного эмоционального состояния. Так, в ходе экспериментов, участниками которых стали 982 студента Страны Басков, а средний возраст составил 20 лет (376 мужчин (38,3 %) и 598 женщин (60,9 %)), удалось показать, что появление внутренней речи связано с повседневными переживаниями и подавленным настроением и возникает в состоянии тревоги, уныния, депрессии, гнева [26]. Проанализированные выше примеры художественного дискурса подтверждают данные результаты.

Оценивающая внутренняя речь и предрасположенность к интериоризованной имитации речи других людей появляется у людей с заниженной самооценкой [27]. Выводы проведенного нами лингвистического исследования на базе художественных текстов с применением широкого прагматического контекста сходны с выводами психологов.

Внутренняя речь играет важное значение для мотивации и самоконтроля, что смогли доказать исследователи на примере спортсменов-теннисистов, продемонстрировав зависимость их результатов и уверенности в собственных силах от использования интериоризованной мотивации, например, “go, I can do it,” или “shoulder, low”, во время соревнований [28]. Похожие психологические эксперименты проводились и в других областях [29; 30]. Ученым удалось продемонстрировать, как незна-

¹⁵ *Fernyhough C.* The Science of the Voices in your Head. – The Royal Institution Channel, 2016. URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=95otBlepVHc> (дата обращения: 07.03.2018).

чительные изменения грамматической структуры интериоризованного высказывания влияют на результат и достижение поставленной цели. В частности, в рамках внутренней речи сравнивался перлокутивный эффект высказываний от первого и второго лица с целью самомотивации “I can do this.” и “You can do this.”. Самоадресованные высказывания от второго лица “You ...”, имитирующие своего рода внутренний диалог (о диалогическом характере внутренней речи уже говорилось выше), приводили к более высоким показателям результативности. Данный факт можно объяснить иллюзией своего рода внешней поддержки, поощрения со стороны [31]. Высказывания подобного плана, содержащие *you* для самообращения, очень часто встречались в анализируемом нами фактическом материале (см. пример (4)). Помимо этого, внутренняя речь играет ключевую роль в самосознании и самооценке, что доказал канадский психолог Э. Морин в целом ряде своих работ¹⁶ [32].

Еще одно интересное исследование, позволяющее пролить свет на функции внутренней речи/автокоммуникации в повседневной жизни и релевантное для нашей работы, предприняли психологи Морин, Атли и Хампер. Исследователи провели открытый опрос среди 380 студентов университета, в котором участникам предлагалось перечислить те вербальные средства, которые они используют в речи для себя (“verbalisations as they typically address to themselves”) [33, с. 1715]. В гендерном соотношении большая часть принявших участие в исследовании – 83 % – это женщины в возрасте от 17 до 55 лет. Большая часть опрошенных среди наиболее типичных ситуаций

автокоммуникации назвала те, в которых объектом речи выступают они сами, т. е. ситуации самооценивания. При этом самыми распространенными предметами речи, согласно опросу, являются по нисходящей шкале самооценка и самокритика (self-evaluation, self-criticizing), эмоции, внешность, мнение других о себе, оценка своих успехов и достижений, взаимоотношения и т. д. Среди самых распространенных функций внутренней речи и ситуаций ее возникновения, информанты назвали в большинстве случаев планирование на будущее, а также напоминание, самомотивацию, решение проблем и принятие решений [33]. Данное исследование подтверждает полученные нами на лингвистическом материале результаты о большой доле самооценочных высказываний во внутренней речи с шестикратным превалированием высказываний, иллюкутивной целью которых является самокритика и самоосуждение. Учет гендерного фактора в психологическом и лингвистическом исследовании позволяет говорить о дополнительной объективности представленных выводов: 83 % участников психологического опроса – женщины, что соответствует 68 % самооценочных высказываний фемининного типа в лингвистическом анализе.

Таким образом, можно заключить, что полученные психологами и нейрофизиологами результаты и выводы нашего анализа художественного дискурса в полной мере коррелируют между собой.

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ, объединяющий лингвистический и психоло-

¹⁶ Morin A. Possible links between self-awareness and inner speech: Theoretical background, underlying mechanisms, and empirical evidence // *Journal of Consciousness Studies*. – 2005. – Vol. 12. – P. 115–134. URL:

<https://pdfs.semanticscholar.org/4726/765dcde382199034758f6fe72dfcd277b8e.pdf> (дата обращения: 07.03.2018).



гический подходы, позволил установить особенности функционирования внутренней речи. Среди основных функций интраперсональной коммуникации выделяются регулирующая, рефлексивная (включая саморефлексию и самооценку) и мотивирующая функции. В большинстве случаев интериоризованные высказывания содержат оценочный компонент, при этом высказывания отрицательного вектора преобладают в обоих типах гендерного речевого поведения. Наиболее распространенными в рамках внутренней речи являются мотивирующая и оценивающая (преимущественно самооценочная) функции. Самооценочные высказывания составляют значительную часть интериоризованного дискурса с шестикратным преобладанием высказываний самокритики и самоосуждения, особенно в фемининном типе интраперсональной коммуникации в функции саморефлексии.

Внутренняя речь возникает при определенном эмоциональном состоянии говорящего. Появление внутренней речи, преимущественно оценивающей и мотивирующей, связано с повседневными переживаниями и подавленным настроением; внутренняя речь возникает в состоянии беспокойства, тревоги, уныния, депрессии, гнева. Оценивающая внутренняя речь и предрасположенность к интериоризованной имитации речи других людей появляется у людей с заниженной самооценкой.

Применение междисциплинарного подхода к изучению внутренней речи, интеграция и сопоставление результатов лингвистического исследования с данными психологических и нейрофизиологических экспериментов повышают валидность полученных результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Alderson-Day B., Fernyhough C.** Inner Speech: Development, Cognitive Functions, Phenomenology, and Neurobiology // *Psychological Bulletin*. – 2015. – Vol. 141, Issue 5. – P. 931–965. DOI: <http://doi.org/10.1037/bul0000021>
2. **Baddeley A. D., Hitch G.** Working memory // *Psychology of learning and motivation*. – 1974. – Vol. 8. – P. 47–89. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0079-7421\(08\)60452-1](https://doi.org/10.1016/S0079-7421(08)60452-1)
3. **Baddeley A.** Working memory // *Current Biology*. – 2010. – Vol. 20, Issue 4. – P. R136–R140. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2009.12.014>
4. **Alderson-Day B., Bernini M., Fernyhough C.** Uncharted features and dynamics of reading: Voices, characters, and crossing of experiences // *Consciousness and Cognition*. – 2017. – Vol. 49. – P. 98–109. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.concog.2017.01.003>
5. **Garrison J. R., Moseley P., Alderson-Day B., Smailes D., Fernyhough C., Simons J. S.** Testing continuum models of psychosis: No reduction in source monitoring ability in healthy individuals prone to auditory hallucinations // *Cortex*. – 2017. – Vol. 91. – P. 197–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2016.11.011>
6. **Holmes E. A., Lang T. J., Shah D. M.** Developing interpretation bias modification as a “cognitive vaccine” for depressed mood: Imagining positive events makes you feel better than thinking about them verbally // *Journal of Abnormal Psychology*. – 2009. – Vol. 118 (1). – P. 76–88. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/a0012590>
7. **Moritz S., Hörmann C. C., Schröder J., Berger T., Jacob G. A., Meyer B., Holmes E. A., Späth C., Hautzinger M., Lutz W., Rose M., Klein J. P.** Beyond words: Sensory properties of depressive



- thoughts // *Cognition and Emotion*. – 2014. – Vol. 28, Issue 6. – P. 1047–1056. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02699931.2013.868342>
8. **Moseley P., Smailes D., Ellison A., Fernyhough C.** The effect of auditory verbal imagery on signal detection in hallucination-prone individuals // *Cognition*. – 2016. – Vol. 146. – P. 206–216. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2015.09.015>
 9. **Fama M. E., Hayward W., Snider S. F., Friedman R. B., Turkeltaub P. E.** Subjective experience of inner speech in aphasia: Preliminary behavioral relationships and neural correlates // *Brain and Language*. – 2017. – Vol. 164. – P. 32–42. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2016.09.009>
 10. **Whitehouse A. J. O., Maybery M. T., Durkin K.** Inner speech impairments in autism // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 2006. – Vol. 47, Issue 8. – P. 857–865. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1469-7610.2006.01624.x>
 11. **Schnell Z., Varga E., Tényi T., Simon M., Hajnal A., Járαι R., Herold R.** Neuropragmatics and irony processing in schizophrenia – Possible neural correlates of the meta-module of pragmatic meaning construction // *Journal of Pragmatics*. – 2016. – Vol. 92. – P. 74–99. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2015.11.004>
 12. **Bais L., Liemburg E., Vercammen A., Bruggeman R., Knegeting H., Aleman A.** Effects of low frequency rTMS treatment on brain networks for inner speech in patients with schizophrenia and auditory verbal hallucinations // *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*. – 2017. – Vol. 78. – P. 105–113. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pnpbp.2017.04.017>
 13. **Perona-Garcelán S., Bellido-Zanin G., Senín-Calderón C., López-Jiménez A. M., Rodríguez-Testal J. F.** Spanish adaptation of the Varieties of Inner Speech Questionnaire (VISQ). Study of the relationship between inner speech, dissociation, and hallucination proneness // *Clínica y Salud*. – 2017. – Vol. 28, Issue 2. – P. 93–100. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clysa.2017.02.001>
 14. **Соколов А. Н.** Внутренняя речь и мышление: монография. – М.: URSS, 2007. – 248 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20094536>
 15. **Народова Е. А., Народова В. В., Изотова О. М.** Исследование внутренней речи методом регистрации микроартикуляции языка у больных с моторной афазией в остром периоде инсульта // *Сибирское медицинское обозрение*. – 2011. – № 2 (68). – С. 26–30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16376905>
 16. **Народова Е. А., Прокопенко С. В., Народова В. В., Народов А. А.** Исследование внутренней речи методом регистрации микроартикуляции языка у здоровых людей // *Вестник новых медицинских технологий*. – 2012. – Т. 19, № 4. – С. 73–75. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18267144>
 17. **Kühn S., Fernyhough C., Alderson-Day B., Hurlburt R. T.** Inner experience in the scanner: can high fidelity apprehensions of inner experience be integrated with fMRI? // *Frontiers in Psychology*. – 2014. – Vol. 5. – P. 1393. DOI: <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01393>
 18. **Погребняк Ю. В.** Механизмы функционирования интериоризованного дискурса // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. – 2012. – № 2. – С. 207–212. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17899216>
 19. **Погребняк Ю. В.** Психологические функции интериоризованного дискурса // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. – 2011. – № 2. – С. 199–206. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=17849030>
 20. **Погребняк Ю. В.** Художественные функции интериоризованного дискурса // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2012. – № 6. – С. 50–54. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17870803>



21. **Heavey C. L., Hurlburt R. T.** The phenomena of inner experience // *Consciousness and Cognition*. – 2008. – Vol. 17, Issue 3. – P. 798–810. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2007.12.006>
22. **Hurlburt R. T., Heavey C. L.** Investigating pristine inner experience: Implications for experience sampling and questionnaires // *Consciousness and Cognition*. – 2015. – Vol. 31. – P. 148–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2014.11.002>
23. **Hurlburt R. T., Heavey C. L., Kelsey J. M.** Toward a phenomenology of inner speaking // *Consciousness and Cognition*. – 2013. – Vol. 22, Issue 4. – P. 1477–1494. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2013.10.003>
24. **McCarthy-Jones S., Fernyhough C.** The varieties of inner speech: Links between quality of inner speech and psychopathological variables in a sample of young adults // *Consciousness and Cognition*. – 2011. – Vol. 20, Issue 4. – P. 1586–1593. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2011.08.005>
25. **Alderson-Day B., Weis S., McCarthy-Jones S., Moseley P., Smailes D., Fernyhough C.** The brain's conversation with itself: neural substrates of dialogic inner speech // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. – 2016. – Vol. 11, Issue 1. – P. 110–120. DOI: <http://doi.org/10.1093/scan/nsv094>
26. **Calvete E., Estévez A., Landín C., Martínez Y., Cardeñoso O., Villardón L., Villa A.** Self-talk and affective problems in college students: Valence of thinking and cognitive content specificity // *The Spanish Journal of Psychology*. – 2005. – Vol. 8, Issue 1. – P. 56–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S1138741600004960>
27. **Alderson-Day B., McCarthy-Jones S., Bedford S., Collins H., Dunne H., Rooke C., Fernyhough C.** Shot through with voices: Dissociation mediates the relationship between varieties of inner speech and auditory hallucination proneness // *Consciousness and Cognition*. – 2014. – Vol. 27. – P. 288–296. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2014.05.010>
28. **Hatzigeorgiadis A., Zourbanos N., Mpoumpaki S., Theodorakis Y.** Mechanisms underlying the self-talk–performance relationship: The effects of motivational self-talk on self-confidence and anxiety // *Psychology of Sport and Exercise*. – 2009. – Vol. 10, Issue 1. – P. 186–192. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.psychsport.2008.07.009>
29. **Brown T. C., Latham G. P.** The effect of training in verbal self-guidance on performance effectiveness in a MBA program // *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement*. – 2006. – Vol. 38 (1). – P. 1–11. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/h0087266>
30. **Oliver E. J., Markland D., Hardy J.** Interpretation of self-talk and post-lecture affective states of higher education students: A self-determination theory perspective // *British Journal of Educational Psychology*. – 2010. – Vol. 80, Issue 2. – P. 307–323. DOI: <http://dx.doi.org/10.1348/000709909X477215>
31. **Dolcos S., Albarracín D.** The inner speech of behavioral regulation: Intentions and task performance strengthen when you talk to yourself as a you // *European Journal of Social Psychology*. – 2014. – Vol. 44, Issue 6. – P. 636–642. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/ejsp.2048>
32. **Morin A.** Self-Awareness Part 2: Neuroanatomy and Importance of Inner Speech // *Social and Personality Psychology Compass*. – 2011. – Vol. 5, Issue 12. – P. 1004–1017. DOI: <http://doi:10.1111/j.1751-9004.2011.00410.x>
33. **Morin A., Uttl B., Hamper B.** Self-reported frequency, content, and functions of inner speech // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2011. – Vol. 30. – P. 1714–1718. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.10.331>



DOI: [10.15293/2226-3365.1804.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1804.04)

Elena Aleksandrovna Koltsova,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

Intensive English Learning Department,

Ivanovo State Power Engineering University, Ivanovo, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8724-2181>

E-mail: elena.a.koltsova@gmail.com

Faina Iosifovna Kartashkova,

Doctor of Philological Sciences, Professor,

Department of English Philology,

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7095-9143>

E-mail: kartashkova@rambler.ru

Functions of inner speech: linguistic, pragmatic and psychological aspects

Abstract

Introduction. *The paper considers cognitive functions and linguistic nature of inner speech which serves as a clue to the problem of thinking and speech, to human consciousness. This article offers an interdisciplinary approach to the phenomenon under consideration integrating linguistic and psychological aspects. The aim of the paper is to study the functions of inner speech comparing the linguistic results obtained with the data of psychological and neurophysiological observations.*

Materials and Methods. *Inner speech being a purely psychological phenomenon by nature is studied in linguistics through literary texts, thus becoming an object of modelling. The material used for the undertaken research is presented by speech episodes from English literary discourse which include the depiction of internal cognitive activity. The analysis focuses on anthroponymic evaluative utterances studied via a number of methods, namely contextual and definition methods and pragmalinguistic description. To implement the interdisciplinary approach to the studied phenomenon, a comparative analysis of the linguistic results and the data of empirical experiments conducted by psychologists and neurophysiologists was carried out.*

Results. *The research has allowed identifying communication targets and objectives characteristic of internal speech, the episodes of which contain evaluative anthroponymic expressions. The main functions performed by depicted inner speech are regulatory, reflective (and self-reflective) and motivating ones. The study has revealed some gender-based similarities and discrepancies depending on the gender of the speaker. The link between the appearance of inner speech and a certain emotional state has been demonstrated.*

Conclusions. *The analysis of text episodes of internalized speech enabled the authors to reveal the functional specificity of internal speech within the framework of literary discourse. The comparison of the results of linguistic research conducted with the data obtained in psychological and neurophysiological studies has shown the correlation and similarity between them. The interdisciplinary approach to the considered phenomenon makes it possible to expand the concept of inner speech and shed light on those cognitive processes which underlie it.*

Keywords

Inner speech; Self-talk; Evaluative names; Self-esteem; Self-motivation; Reflection; Regulatory function; Gender.



REFERENCES

1. Alderson-Day B., Fernyhough C. Inner Speech: Development, Cognitive Functions, Phenomenology, and Neurobiology. *Psychological Bulletin*, 2015, vol. 141, issue 5, pp. 931–965. DOI: <http://doi.org/10.1037/bul0000021>
2. Baddeley A. D., Hitch G. Working memory. *Psychology of Learning and Motivation*, 1974, vol. 8, pp. 47–89. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0079-7421\(08\)60452-1](https://doi.org/10.1016/S0079-7421(08)60452-1)
3. Baddeley A. Working memory. *Current Biology*, 2010, vol. 20, issue 4, pp. R136–R140. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2009.12.014>
4. Alderson-Day B., Bernini M., Fernyhough C. Uncharted features and dynamics of reading: Voices, characters, and crossing of experiences. *Consciousness and Cognition*, 2017, vol. 49, pp. 98–109. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.concog.2017.01.003>
5. Garrison J. R., Moseley P., Alderson-Day B., Smailes D., Fernyhough C., Simons J. S. Testing continuum models of psychosis: No reduction in source monitoring ability in healthy individuals prone to auditory hallucinations. *Cortex*, 2017, vol. 91, pp. 197–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2016.11.011>
6. Holmes E. A., Lang T. J., Shah D. M. Developing interpretation bias modification as a “cognitive vaccine” for depressed mood: Imagining positive events makes you feel better than thinking about them verbally. *Journal of Abnormal Psychology*, 2009, vol. 118 (1), pp. 76–88. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/a0012590>
7. Moritz S., Hörmann C. C., Schröder J., Berger T., Jacob G. A., Meyer B., Holmes E. A., Späth C., Hautzinger M., Lutz W., Rose M., Klein J. P. Beyond words: Sensory properties of depressive thoughts. *Cognition and Emotion*, 2014, vol. 28, issue 6, pp. 1047–1056. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/02699931.2013.868342>
8. Moseley P., Smailes D., Ellison A., Fernyhough C. The effect of auditory verbal imagery on signal detection in hallucination-prone individuals. *Cognition*, 2016, vol. 146, pp. 206–216. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2015.09.015>
9. Fama M. E., Hayward W., Snider S. F., Friedman R. B., Turkeltaub P. E. Subjective experience of inner speech in aphasia: Preliminary behavioral relationships and neural correlates. *Brain and Language*, 2017, vol. 164, pp. 32–42. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2016.09.009>
10. Whitehouse A. J. O., Maybery M. T., Durkin K. Inner speech impairments in autism. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2006, vol. 47, issue 8, pp. 857–865. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1469-7610.2006.01624.x>
11. Schnell Z., Varga E., Tényi T., Simon M., Hajnal A., Járjai R., Herold R. Neuropragmatics and irony processing in schizophrenia – Possible neural correlates of the meta-module of pragmatic meaning construction. *Journal of Pragmatics*, 2016, vol. 92, pp. 74–99. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2015.11.004>
12. Bais L., Liemburg E., Vercammen A., Bruggeman R., Knegtering H., Aleman A. Effects of low frequency rTMS treatment on brain networks for inner speech in patients with schizophrenia and auditory verbal hallucinations. *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*, 2017, vol. 78, pp. 105–113. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pnpbp.2017.04.017>
13. Perona-Garcelán S., Bellido-Zanin G., Senín-Calderón C., López-Jiménez A. M., Rodríguez-Testal J. F. Spanish adaptation of the Varieties of Inner Speech Questionnaire (VISQ). Study of the relationship between inner speech, dissociation, and hallucination proneness. *Clínica y Salud*, 2017, vol. 28, issue 2, pp. 93–100. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clysa.2017.02.001>



14. Sokolov A. N. *Inner speech and thinking*. Moscow, URSS Publ., 2007, 248 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20094536>
15. Narodova E. A., Narodova V. V., Izotova O. M. Study of internal speech in patients with motor aphasia in the acute phase of the brain stroke by records of tongue micro articulations. *Siberian Medical Review*, 2011, no. 2, pp. 26–30. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16376905>
16. Narodova E. A., Prokopenko S. V., Narodova V. V., Narodov A. A. Study of Inner Speech by Means of Language Microarticulation Registration in the Healthy Patients. *Journal of New Medical Technologies*, 2012, vol. 19, no. 4, pp. 73–75. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18267144>
17. Kühn S., Fernyhough C., Alderson-Day B., Hurlburt R. T. Inner experience in the scanner: can high fidelity apprehensions of inner experience be integrated with fMRI?. *Frontiers in Psychology*, 2014, vol. 5, pp. 1393. DOI: <http://dx.doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01393>
18. Pogrebnyak Y. U. Interior discourse as a model of inner speech of a character in a work of fiction. *Bulletin of Irkutsk state linguistic University*, 2012, no. 2, pp. 207–212. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17899216>
19. Pogrebnyak Y. U. Psychological Functions of Interior Discourse. *Bulletin of Pushkin Leningrad State University*, 2011, no. 2, pp. 199–206. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17849030>
20. Pogrebnyak Y. U. Fiction functions of the interiorized discourse. *News of Volgograd State Pedagogical University*, 2012, no. 6, pp. 50–54. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17870803>
21. Heavey C. L., Hurlburt R. T. The phenomena of inner experience. *Consciousness and Cognition*, 2008, vol. 17, issue 3, pp. 798–810. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2007.12.006>
22. Hurlburt R. T., Heavey C. L. Investigating pristine inner experience: Implications for experience sampling and questionnaires. *Consciousness and Cognition*, 2015, vol. 31, pp. 148–159. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2014.11.002>
23. Hurlburt R. T., Heavey C. L., Kelsey J. M. Toward a phenomenology of inner speaking. *Consciousness and Cognition*, 2013, vol. 22, issue 4, pp. 1477–1494. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2013.10.003>
24. McCarthy-Jones S., Fernyhough C. The varieties of inner speech: Links between quality of inner speech and psychopathological variables in a sample of young adults. *Consciousness and Cognition*, 2011, vol. 20, issue 4, pp. 1586–1593. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2011.08.005>
25. Alderson-Day B., Weis S., McCarthy-Jones S., Moseley P., Smailes D., Fernyhough C. The brain's conversation with itself: neural substrates of dialogic inner speech. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2016, vol. 11, issue 1, pp. 110–120. DOI: <http://doi.org/10.1093/scan/nsv094>
26. Calvete E., Estévez A., Landín C., Martínez Y., Cardeñoso O., Villardón L., Villa A. Self-talk and affective problems in college students: Valence of thinking and cognitive content specificity. *Spanish Journal of Psychology*, 2005, vol. 8, issue 1, pp. 56–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S1138741600004960>
27. Alderson-Day B., McCarthy-Jones S., Bedford S., Collins H., Dunne H., Rooke C., Fernyhough C. Shot through with voices: Dissociation mediates the relationship between varieties of inner speech and auditory hallucination proneness. *Consciousness and Cognition*, 2014, vol. 27, pp. 288–296. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2014.05.010>



28. Hatzigeorgiadis A., Zourbanos N., Mpoupaki S., Theodorakis Y. Mechanisms underlying the self-talk–performance relationship: The effects of motivational self-talk on self-confidence and anxiety. *Psychology of Sport and Exercise*, 2009, vol. 10, issue 1, pp. 186–192. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.psychsport.2008.07.009>
29. Brown T. C., Latham G. P. The effect of training in verbal self-guidance on performance effectiveness in a MBA program. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue Canadienne des Sciences du Comportement*, 2006, vol. 38 (1), pp. 1–11. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/h0087266>
30. Oliver E. J., Markland D., Hardy J. Interpretation of self-talk and post-lecture affective states of higher education students: A self-determination theory perspective. *British Journal of Educational Psychology*, 2010, vol. 80, issue 2, pp. 307–323. DOI: <http://dx.doi.org/10.1348/000709909X477215>
31. Dolcos S., Albarraçín D. The inner speech of behavioral regulation: Intentions and task performance strengthen when you talk to yourself as a you. *European Journal of Social Psychology*, 2014, vol. 44, issue 6, pp. 636–642. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/ejsp.2048>
32. Morin A. Self-Awareness Part 2: Neuroanatomy and Importance of Inner Speech. *Social and Personality Psychology Compass*, 2011, vol. 5, issue 12, pp. 1004–1017. DOI: <http://doi:10.1111/j.1751-9004.2011.00410.x>
33. Morin A., Uttl B., Hamper B. Self-reported frequency, content, and functions of inner speech. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2011, vol. 30, pp. 1714–1718. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.10.331>

Submitted: 19 March 2018 Accepted: 02 July 2018 Published: 31 August 2018



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).